

.... Мы, несомненно, понимали, что реформы проводятся в многонациональной стране и без учета интересов проживающих в ней наций и народностей нельзя рассчитывать на успех. И все-таки оставались во власти традиционных подходов, не подошли еще к пониманию масштабности назревших в этой сфере проблем. Не сделав необходимых уроков из событий первого периода, упустили время и опоздали. Как удар колокола напомнил об этом Нагорный Карабах.

Карабахский взрыв

В феврале 1988 года население Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР (85 процентов — армяне) потребовало перевести ее в состав Армянской ССР. Решение было принято областным Советом и сразу же поддержано многотысячными демонстрациями и митингами в Армении. Проходили они организованно, без эксцессов. Шли с плакатами в поддержку перестройки и гласности. Правоохранительные органы лишь поддерживали порядок, никаких других мер не предпринимали, да и не могли с этим людским морем.

Ответную резкую реакцию это вызвало в Азербайджане, где тоже прошли массовые митинги под антиармянскими лозунгами.

В феврале Политбюро рассматривало вопрос о Нагорном Карабахе. Разумовский сообщил, что 12 февраля в Степанакерте собрание партийных и хозяйственных руководителей высказалось за присоединение к Армении. 13 февраля прошел митинг. Были названы и два лица, которые «будоражили публику», — сотрудник института Госплана из Еревана Мурадян, инструктор обкома Карапетян. Поступила информация о позиции руководителей республик. Багиров настаивал, чтобы центр подтвердил и гарантировал неизменный статус НКАО. Демирчян выступал за то, чтобы рассмотреть обращение областного Совета НКАО в Верховных Советах Азербайджана, Армении и Советского Союза. Стало ясно, что спор Баку и Еревана вокруг Степанакерта решать придется Москве.

Рыжков сказал, что «действовать надо конституционно». Чебриков

высказал мнение, что нужен не один шаг, а несколько: провести совместное заседание, послать из Москвы людей, к которым прислушиваются. Сообщил, что события отзываются в других республиках. В Эстонии растет настроение за выход из Союза, Таджикистан обсуждает свои претензии на Бухару и Самарканд.

Моя точка зрения была: проблему нужно решить политическими средствами. Заявить, что ЦК считает недопустимым любое изменение границ. Подготовить предложения экономического, социального и культурного порядка по Нагорному Карабаху. Пусть армяне и азербайджанцы соберутся вместе, сами решат, мы примем любое их решение. Подключить к их дискуссиям русскую интеллигенцию, рабочих. Было решено направить в обе республики представителей Политбюро для помощи местному руководству. В Баку выехали Лигачев и Разумовский, в Ереван — Яковлев и Долгих. В их задачу входило установить контакты, успокоить людей.

Главным в тот момент было вернуть спокойствие, не довести людей до отчаяния, не допустить, чтобы демократию повернули в свою пользу национал-экстремисты. 26 февраля я обратился к народам Азербайджана и Армении с призывом проявить сознательность, ответственность, благоразумие. В обращении говорилось, что мы не уклоняемся от откровенного обсуждения различных предложений. Но делать это надо спокойно, в рамках демократического процесса и законности.

Обращение способствовало некоторой нормализации обстановки. В Ереване прекратился непрерывный массовый митинг, успокоенные люди разошлись по домам.

Я старался наладить диалог, нащупать пути к компромиссу, который был, по моему твердому убеждению, единственным выходом из ситуации.

В эти дни произошла моя встреча с поэтессой Сильвой Капутикян и журналистом Зорием Балаяном. Присутствовал на беседе Г. Шахназаров.

Разговор был долгим. Я дал возможность собеседникам подробно изложить предысторию вопроса. Спор вокруг Карабаха уходит, как принято

говорить, в седую старину. Испокон веков на этой плодородной земле жили бок о бок два народа, она переходила из рук в руки, столетиями была во власти Персии. Но преимущественно ее населяли армяне. Сразу после революции едва не сбылась их давняя мечта о воссоединении с матерью-родиной. Но, дав сначала согласие на это, тогдашний руководитель Азербайджана Нариман Нариманов вскоре взял его обратно. В последующем вопрос поднимался не раз, в том числе после войны, но так и не нашел решения.

Подробно говорили обо всем этом Капутикян и Балаян, показывали мне тщательно собранные документы, географические карты, исторические справки. А потом стали рассказывать, как притесняют армянское население Карабаха, изолируют его от Армении, разрушают памятники старины. Фактически речь идет о целенаправленном стремлении выжить армян из области, как это удалось сделать в Нахичеван-ской АССР, — там после революции преобладало армянское население, теперь — 95 процентов азербайджанцев. Продолжается наступление ислама на христианство — так охарактеризовал все это кто-то из моих гостей.

Ну а потом я взял слово и тоже подробно изложил позицию руководства. Суть ее в том, что законные и справедливые чаяния армян НКАО должны быть удовлетворены, но без перекройки национально-территориального деления, способного породить в стране цепную реакцию, стать началом кровопролития.

— Подумайте, — убеждал их я, — какими могут быть последствия разгорающегося конфликта. Он неизбежно приведет к изгнанию почти 500 тысяч армян, проживающих сейчас в Азербайджане, и 200 тысяч азербайджанцев, живущих в Армении. Огромная масса людей будет обречена на лишения и страдания. Самим фактом своего существования она приведет к усилению нетерпимости. Предотвратить беду — наш общий долг и прежде всего святая обязанность интеллигенции обеих республик. А между тем та и другая нередко занимаются разжиганием страстей.

Сильва Капутикян возразила:

— Это ренессанс национальных чувств, какое тут может быть поджигательство!

— Что же, — ответил я, — в искренности ваших чувств не сомневаюсь. Уверен, что и многие другие действительно болеют за судьбу армянского народа. Но есть и те, кто уже манипулирует национальными чувствами.

Забегая вперед, скажу, что все так и случилось. Именитую интеллигенцию, интеллектуалов Армении бесцеремонно оттеснили на задний план. То же произошло в Азербайджане, Грузии и других республиках. Через год, когда собрался Первый съезд народных депутатов СССР, Капутикян еще распространяла свои заявления, потом ее не стало слышно. А дело взяли в свои руки напористые и нахрапистые сипы.

Шахназаров был такого же мнения: важно не подливать масла в огонь, не накалять страсти, это может обернуться непредсказуемыми последствиями. А ведь сам он выходец из Нагорного Карабаха, и род его, кйязей Шахназаровых, известен.

Эта встреча не осталась без последствий. На другой день Балаян переслал подготовленные по моей просьбе предложения о мерах первой срочной помощи НКАО. Там был 21 пункт — строительство дорог, жилья, восстановление церквей, возможность принимать передачи Ереванского радио, издание книг на армянском языке, открытие в Степанакерте университета и другие. Я связался с Рыжковым:

— Николай Иванович, посылаю тебе предложения по Карабаху, постарайся учесть как можно полнее.

— Конечно, Михаил Сергеевич, вопрос жизненный для всей страны, тут нельзя экономить.

Через два дня из Совмина прислали проект постановления, предусматривавший выделение 400 миллионов рублей на неотложные нужды НКАО. Поначалу это произвело сильное впечатление, но через два-три месяца стали поступать сигналы, что республиканские власти по-своему

распорядились выделенными из центра средствами, только небольшая их часть доходит до адресата. Пришлось направлять комиссии, проверять.

Основные пожелания все-таки были учтены. Но будь это сделано десять лет назад, проводил Алиев правильную интернационалистскую линию, — можно было предотвратить катастрофу. В 1988 году уже было поздно.

События нарастали как снежный ком. Дело дошло до насильственных акций, пиком которых стал кровавый погром в Сумгаите 27—29 февраля. В этом индустриальном центре, где скопилось большое число азербайджанских беженцев, группы с участием уголовных элементов, явно подстрекаемые, врывались в дома, расправлялись с армянскими семьями.

Трагический итог подвела Прокуратура СССР, сообщившая (22 марта): погибло 30 человек, пострадало 197, арестовано 42.

В Сумгаит направили войска. Безоружные солдаты пытались образумить озверевших хулиганов. Многие курсанты пострадали, некоторые остались инвалидами. Но если бы у них были автоматы, думаю, последствия могли быть еще более тяжелыми.

Нас нередко упрекали за «проявление слабости». А когда во избежание дальнейшего кровопролития пришлось ввести милицейские силы и воинские части, мы снова оказались под огнем критики, теперь уже — за применение силы. Разумеется, правительство должно было поступить именно так. Чрезвычайные меры определялись чрезвычайными обстоятельствами. То же самое сделали бы в любом демократическом государстве.

Резня в Сумгаите вызвала всеобщее возмущение, все были потрясены. Вместе с тем в мусульманских республиках дало себя знать сочувствие единоверцам. События грозили выйти из-под контроля, перерасти в религиозный конфликт.

Вопрос о НКАО рассматривался на внеочередном заседании Политбюро 3 марта. Я отметил, что ситуация проходит через переломный этап, мы опоздали с Сумгаитом, недооценили возможные последствия.

— Могут потребоваться защитные меры, — сказал я, — чтобы не

допустить гибели людей, как случилось в Сумгаите. Главное — политические методы. Однако власть должна быть властью. И когда нужно ее употребить, надо употреблять вовремя. Закон должен торжествовать.

Я потребовал незамедлительно привлечь виновных к строгой уголовной ответственности, принять меры, чтобы «не выплеснулась стихия». Но исключить «кавалерийские наскоки», решать вопросы в контакте с армянскими и азербайджанскими товарищами, чтобы еще больше не наломать дров.

Еще до трагических событий, ознакомившись с мнением специалистов, я составил достаточно полное представление об истоках конфликта. Вспомним, что пережили армяне от персов, турок. Можно ли стереть из их памяти геноцид 1915 года, когда турки вырезали полтора миллиона армян, а два миллиона рассеяли по всему свету? В свое время обратились они к России не из любви к царю, а в надежде на спасение. Пошли к русскому народу под крыло.

Но и у азербайджанцев в Карабахе свои корни. Еще Ленин, понимая всю сложность данной проблемы, поручил разобраться в этом вопросе и найти решение Чичерину, наркому по иностранным делам. Конечно, присутствовал там и внешний аспект, но, думаю, определяло выбор понимание того, что лучше разобраться в сложном национальном споре может искусный дипломат.

Те, кто ведал тогда национальными делами, в первую очередь Сталин, не справились с ситуацией, не хватило тонкости. Решение было найдено далеко не идеальное. За десятилетия в автономной области накопилось немало трудностей и проблем. Азербайджанское руководство относилось к населению Карабаха далеко не в духе ленинского подхода, а иногда просто не по-человечески. Возникли проблемы языкового, культурного порядка, допускались серьезные нарушения в кадровой политике. В условиях гласности все это вскрылось. Вот и заварилась каша. Характерно, что ни в Нагорном Карабахе, ни в Азербайджане, ни в Армении не выдвигалось антисоветских, антисоциалистических лозунгов, никто не ставил вопроса о выходе из

Советского государства.

В обеих республиках многие высокопоставленные должностные лица замарали себя коррупцией. Когда же началась перестройка и они почувствовали, что кресла под ними шатаются, именно эти элементы попытались спровоцировать этнические конфликты. Национальные чувства людей стали предметом нещадной эксплуатации. Карабах в их руках оказался миной, заложенной под перестройку.

Вот мои слова на этот счет:

«Давайте посмотрим на самих себя. За три года ЦК получил 500 писем о ситуации в Нагорном Карабахе. Обратил ли кто на это внимание? Нет! Была рутинная бюрократическая реакция: мол, не поделили что-то между собой армяне и азербайджанцы... Надо глубоко вникнуть в причины. Перестройка привела в движение большие внутренние силы, начали вскрываться застарелые нарывы. Возрождаются национальные чувства, а вместе с ними и национальный экстремизм. ЦК должен был изучать, исследовать проблемы».

Было решено: 1. Изложить наши оценки ситуации в прессе.

2. Генеральному секретарю выступить по телевидению. 3. Рассмотреть вопрос в Президиуме Верховного Совета СССР. 4. Опубликовать сообщение Прокуратуры по ходу расследования событий в Сумгаите. 5. Административным органам решить вопрос о дислокации войск в «горячих точках», но без введения комендантского часа.

Азербайджанским и армянским руководителям снова было сказано: «Договаривайтесь». Однако договориться они не смогли. Вновь вернули вопрос нам: пусть, мол, выносит решение Москва. Тем более что после Сумгаита армянская сторона отказывалась верить Азербайджану.

На заседании Политбюро 6 июня я высказал предложение, что кто-то в эшелонах власти республик подзуживает, разжигает страсти.

— Единственное, с чем мы никогда не согласимся, — это поддержать один народ в ущерб другому. Пусть нас на этот счет не шантажируют. Мы не позволим, не должны ни в коем случае допустить, чтобы истину искали через

кровь! — Это было сказано в июне 1988-го.

В обстановке невероятного давления на депутатов сессия Верховного Совета Армянской ССР постановила дать согласие на вхождение Нагорного Карабаха в состав Армении и обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой рассмотреть данный вопрос. Двумя днями позже сессия Верховного Совета Азербайджанской ССР приняла решение о неприемлемости передачи НКАО Армении и о мерах по ускорению социально-экономического развития области. 25 июня проходят митинги в Степанакерте — население возмущено тем, что местная печать не сообщает о решении Совета НКАО о выходе из состава Азербайджана.

Напряженность стремительно росла. Не прекращались митинги и забастовки в Степанакерте. 6 июля — блокада аэропорта в Ереване. Сессия облсовета в НКАО вновь принимает решение «о выходе», в Баку вновь объявляют его незаконным.

Возникал вопрос: каков выход? Громыко видел его в привычном средстве: «Появится на улице армия, и сразу будет порядок». Чебриков возразил. Яковлев предложил на год взять «управление НКАО в Москву». Шеварднадзе высказался за немедленное придание НКАО статуса автономной республики. Лигачев попытался синтезировать все эти идеи: «Уже сейчас 20 тысяч беженцев. Люди без крова. Если статус республики для НКАО не поможет — ввести войска, демонтировать заводы, распустить партийные организации, исполкомы, наводить порядок».

Я поддержал предложение об автономной республике. Но этот вопрос должны были решить сами конфликтующие стороны.

18 июля состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Пригласили все стороны, дали возможность высказаться. Заседание транслировалось по телевидению, чтобы всем были ясны занимаемые позиции. Нашу позицию — центральной власти — поддержало большинство.

Я спрашивал:

— Как вы хотите решить проблему, победить любой ценой? Армения

хочет добиться включения Нагорного Карабаха в состав своей республики, Азербайджан — не намерен допустить это, не отступит ни на миллиметр. Но ведь это нереально! Надо найти компромисс, который устроил бы всех. Победа может быть только общей. Нельзя решать вопросы, когда идут стенка на стенку. Это политический тупик. Сумгаит, другие события вокруг Нагорного Карабаха уже наложили глубокий отпечаток на отношения двух народов, потребуется время, чтобы это хоть как-то сгладилось. Но и сейчас надо идти навстречу друг другу, искать компромисс.

На заседании были высказаны предложения усилить гарантии жителям Нагорного Карабаха, чтобы исключить повторение случившегося. Ведь и в прошлом было много обещаний, но они обернулись пустым звуком, обманом, по сути дела. Я предложил сформировать в рамках Совета Национальностей специальную комиссию для рассмотрения высказанных предложений. Такая комиссия была создана и проделала полезную работу. Сильное впечатление произвело на меня выступление Расула Гамзатова. Он предложил передать Нагорный Карабах под временное управление союзным органам. Впоследствии такое же предложение выдвинула комиссия Совета Национальностей.

20 июля было опубликовано постановление Президиума, которое еще раз подчеркнуло, что изменение границ невозможно. 26 июля ЦК партии и Президиум Верховного Совета принимают решение направить в НКАО А.И. Вольского для организации и координации выполнения принятого решения. Но нормализации обстановки не происходит. 21 сентября вводятся особое положение и комендантский час в Степанакерте и Агдамском районе.

После осенней сессии Верховного Совета СССР 3 декабря произошла моя встреча с депутатами СССР от Азербайджана и Армении, руководством обеих республик и НКАО. В ней участвовали Рыжков, Слюньков, Чебриков, Лукьянов, Разумовский. Я сказал:

— Еще один шаг — и пропасть. Вы, авторитетные избранники двух народов, просто обязаны сесть за круглый стол, вместе подумать, как

выбраться из тупика...

Сегодня я еще больше уверен, что нигде национальный вопрос не удастся решить силой. У нас на Северном Кавказе царизм десятилетиями вел войны, создавал систему крепостей, поселения казаков, наказывал, громил, уничтожал — ни к чему хорошему все это не привело. Результат дало лишь налаживание торговли, сотрудничества между людьми, заключение союза с правящими элитами и старейшинами, приближение их к царскому двору, почести и привилегии. Своеобразное новое объединение возникло после Октября. При всем несовершенстве этого союза сохранялся какой-то баланс интересов.

Процесс умиротворения крайне осложнился, и в этом сыграла свою роль общественная атмосфера, складывавшаяся в стране, в Верховном Совете СССР и России. По сути дела, проявились две позиции. Одна сводилась к тому, что, мол, в момент возникновения конфликта, особенно после Сумгаита, надо было решительно ударить по «зачинщикам» смуты в НКАО и подавить его в зародыше.

Смысл другой позиции: поскольку народ Карабаха хочет воссоединиться со своей Родиной, а мы признаем право наций на самоопределение, почему бы этого не сделать? Ведь Нахичеванская автономная республика входит в Азербайджан, хотя и отделена от него армянской территорией. Точно так же можно решить вопрос с НКАО.

На каком-то этапе показалось, что решение возможно: дать Карабаху, как Нахичевани, статус автономной республики при сохранении в составе Азербайджана. Был момент, когда это предложение вот-вот могло реализоваться. Но как раз в это время в Ереване Верховный Совет принял решение о принятии НКАО в состав Армении, и все рухнуло. Рухнуло из-за внутреннего противоборства, ибо там уже разворачивалась борьба за власть, за смену правящей элиты. К власти рвалось Армянское общенациональное движение, образовавшееся на базе комитета «Карабах».

В этой связи возник еще один вариант, который прозвучал и на

заседании Политбюро: с помощью вооруженных сил, центральной власти сохранить статус-кво. Иными словами, в пользу Азербайджана, но все-таки не руками азербайджанских экстремистов, а силами законной власти. Я опрашивал своих коллег: хорошо, введем президентское правление, а дальше? Вразумительного ответа не получал.

Очень уж сильны были настроения в пользу «наведения порядка». Отстаивать свою позицию в такой ситуации было непросто. Тем не менее я придерживался ее с начала и до конца, хотя и не удавалось обойтись в экстремальных случаях без строго лимитированных жестких мер.

В этот период, в 1987—1988 годах, я стремился выработать единый демократический подход к межнациональным спорам. Конфликт вокруг Нагорного Карабаха вовсе не заслонил других, казалось бы, более спокойных по формам проявления, но не менее значимых процессов, набиравших силу в Прибалтике, Молдавии, Грузии, зарождавшихся в Средней Азии и на Украине. В различных регионах все чаще ставились вопросы о языках коренных национальностей, экономическом суверенитете, расширении прав. В противовес русификации нередко впадали в другую крайность, внося дух конфронтации в массовое сознание. Но вопрос о выходе из Союза в 1987 году не ставил никто, кроме, может быть, крайних экстремистских групп типа «Ассоциации независимости Эстонии», группы Я. Барканса в Латвии и некоторых националистических группировок в Литве. Не ставился он открыто и осенью 1988 года, когда в республиках образовались народные фронты.

Но если не удавалось добиться гармонизации интересов, где следовало искать выход? Терпеливо и настойчиво содействовать достижению компромисса, а главное — менять сами условия, породившие конфликт. Я считал, что межнациональные проблемы могут быть по-настоящему решены только в общем контексте экономической и политической реформы. К концу своей деятельности на посту президента не сомневался, что сохранение и обновление Союза могут удержать мир. Была выдвинута формула: сильный центр — сильные республики. Другие говорили иначе: сильные республики —

сильный центр. Пусть так, это мало что меняет. Ведь новый центр предполагалось формировать на иной основе, с иными функциями. Он должен был заниматься общими вопросами — безопасностью, согласованием основ экономической и социальной политики, координацией внешней политики, поддержанием порядка на границах и т.д. И, конечно, играть третейскую роль, когда возникают конфликты. <...>

Запоздавший Пленум

Сначала мы намеревались Пленум ЦК КПСС на эту животрепещущую тему собрать в июне 1989 года. Но, рассмотрев представленные материалы, пришли к выводу, что нужен более глубокий документ. Пришлось поручить это своей «рабочей группе» и отложить разговор до сентября.

Пауза была слишком велика. Взбудораженное общество ждало разъяснений, и я решил выступить с этим по телевидению (2 июля). Обратившись к гражданам, призвал осознать опасность и проявить ответственность, решать любые проблемы на основе демократического обсуждения и терпимости. «От правильного решения вопроса межнациональных отношений, — говорил я, — в значительной степени зависят спокойствие и благополучие людей, судьба перестройки, если хотите, — судьба и целостность нашего государства».

В чем виделся ключ к решению накопившихся проблем? На первое место ставились права человека, преобразование Советской Федерации. Одновременно я считал нужным предупредить против крайностей. «Думая о перестройке Федерации, мы не можем не считаться с реальностями, сложившимися за столетия, особенно в годы Советской власти. Народы прошли большой путь развития, сложился единый народно-хозяйственный комплекс. Разрывать эти связи — значит резать по живому. Нельзя в поисках лучшего становиться на путь разрушения созданного».

К августу закончилась работа над тезисами, положенными в основу опубликованного 17 августа проекта платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». В ней подчеркивалась постоянная

потребность в радикальном обновлении национальной политики, а основными ее задачами назывались:

— преобразования в Советской Федерации, наполнение ее реальным политическим и экономическим содержанием;

— расширение прав и возможностей всех форм и видов национальной автономии;

— обеспечение равных прав каждому народу;

— создание условий для свободного развития национальных культур и языков;

— укрепление гарантий, исключающих ущемление прав граждан по национальному признаку.

Впервые был поставлен вопрос о разработке и подписании нового Союзного договора. Добавлю, что в проекте указывалось на роль России как консолидирующего начала всего Союза и предлагалось решить проблемы правового статуса РСФСР. Платформа с некоторыми уточнениями была принята сентябрьским Пленумом ЦК, и я берусь утверждать, что это незаурядный документ, в котором с учетом и отечественного и мирового опыта дается осмысленная трактовка актуальных проблем национального развития и межнациональных отношений.

Но недаром в народе говорят: «Дорого яичко к Христову дню». При всей ценности принятых на Пленуме решений они сильно запоздали. Это была, в частности, и расплата за старые подходы, увлечения коллегиальностью, по большей части — мнимой. Дел было невпроворот, подготовку затянули, потеряли драгоценное время.

При всем разнообразии и остроте постановки проблем их решение виделось в рамках Союза. Тогда и надо было начинать работу по созданию правовой базы реформирования Союза, проработку Союзного договора. Мы же приступили к консультациям по разработке договора только в конце 1989 года.

Начало 90-го ознаменовалось новым обострением армяно-

азербайджанских отношений, что привело к армянским погромам в Баку, «исходу» армян из города.

Вопреки имеющим место фальсификациям по поводу введения войск в Баку в январе 1990 года я должен сказать, что только чрезвычайные обстоятельства вынудили ввести чрезвычайное положение. Эта мера была направлена на предотвращение еще большего кровопролития. События разворачивались так:

13 января вечером в городе Баку группами хулиганствующих элементов были спровоцированы беспорядки и бесчинства, приведшие к человеческим жертвам.

15 января Бюро ЦК КП Азербайджана рассмотрело неотложные меры по нормализации обстановки в Баку. В принятом решении отмечалось, что преступные силы, ведущие дело к дестабилизации обстановки в республике, открыто перешли к практической реализации своих замыслов. Воспользовавшись резким ухудшением ситуации в НКАО и приграничных с ней районах, они накалили страсти в Баку, толкнули часть людей, беженцев из Армении, на противоправные действия. В ходе беспорядков и бесчинств в Баку 13 января от рук преступников погибли люди, главным образом армяне, имелись десятки раненых. Совершены погромы жилищ. Требовались экстренные меры.

Власти стремились восстановить порядок. Но внутренние распри и раскол парализовали их деятельность и способность контролировать ситуацию.

В Баку были направлены от Президентского совета Е.Примаков и от ЦК КПСС А.Гиренко. От них стала поступать крайне тревожная информация о развитии обстановки в Азербайджане. Бесчинства охватили республику, буквально сметены были органы власти в 18 районах, уничтожены пограничные сооружения на двухстах километрах границы с Ираном.

Верховный Совет республики в обстановке нарастающего морального террора оказался неспособным принимать решения.

19 января было опубликовано Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР «К народам Азербайджана и Армении». Указом Президиума Верховного Совета СССР в Баку с 20 января вводилось чрезвычайное положение. Организаторы беспорядков, отказываясь подчиняться Указу, всячески препятствовали действиям войск, введенных в Баку, что привело к новым жертвам.

20 января я выступил по Центральному телевидению с оценкой ситуации и разъяснением действий руководства страны.

Эта акция по-разному оценивалась и оценивается. По мнению одних, чрезвычайное положение введено с опозданием, других — его вообще не надо было вводить. Отвечая первым, следует сказать, что союзные власти не могли это делать через голову руководства республики и сделали тогда, когда работа республиканских органов была парализована. А тех, кто считал ошибкой введение чрезвычайного положения, могу заверить, что в той обстановке могло произойти непредсказуемое — надо было остановить эскалацию насилия.

Да, горько, очень горько, что в январе 90-го оборвалась жизнь многих бакинцев, кем бы они ни были по национальности. Но не останови тогда насилие, жертвы оказались бы во много раз большими...

Урок, который я вынес из всей этой трагической истории: *власть не в состоянии обойтись без применения силы в экстремальных обстоятельствах. Но эта акция должна быть оправдана абсолютной необходимостью и ограничена строго взвешенной мерой. Подлинное же решение проблемы возможно лишь политическими средствами.*

М.С.Горбачев. Жизнь и реформы. М.: Издательство «Новости».

1995. Т.1. С.652-664; С.673-677